

СПОСОБЫ РАССУЖДЕНИЯ В ВИЗАНТИЙСКИХ КОСМОЛОГИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Средневековые космологические сочинения составляют, как известно, отдельную группу изъяснительных произведений, рассчитанных на хорошо образованную и осведомленную аудиторию верующих интеллектуалов, ищущих богословско-философского обоснования различным процессам, протекающим в природе. Однако глубокомысленные рассуждения о строении Вселенной и об особенностях существования животного и растительного мира в данных произведениях носят религиозно-догматический и потому нравственно-воспитательный характер. А поскольку средневековые мыслители воспринимают действительность как “символическое выражение трансцендентного замысла”, образно явленное “отображение религиозной идеи”¹, природные явления не столько описываются такими, какими они есть, сколько истолковываются как завуалированные воплощения сокровенных смыслов христианского вероучения.

Примером таких сочинений выступают, прежде всего, **Шестодневы** — пространные экзегетические комментарии к первым главам ветхозаветного Бытия, в которых, как известно, повествуется картина создания Вселенной за шесть дней. По мнению исследователей, популярное разъяснение этапов божественного творчества вошло в круг интересов церковных проповедников ещё с апостольских времен. А с III в. Шестоднев становится излюбленным жанром учителей-исповедников, пытающихся соотнести накопленные к тому времени природоведческие знания с уже устоявшимися в христианской религии вероучительными догматами².

¹ Гукова С. Н. Космография в системе византийской науки и образования в XI–XII вв. // Городская культура: Средневековье и начало Нового времени / Под ред. В. И. Рутенбурга. – Л., 1986. – С. 29.

² Об истории становления жанра, известных и малоизвестных раннехристианских Шестодневов, а также о концептуальных отличиях в подходах представителей александрийской, антиохийской и каппадокийской богословских школ см.: Мильков В. В.

Среди множества Шестодневов, известных в византийской литературе, древнерусскими книжниками были переведены комментарии св. Василия Великого, Севериана Габальского, Георгия Писидийского, а также Иоанна Экзарха Болгарского¹. Шестоднев последнего, составленный, по всей видимости, в начале X ст. в окружении учеников Кирилла и Мефодия, представляет собой масштабную компиляцию предшествующих Шестодневов (в первую очередь, сочинения св. Василия Великого). Кроме того, текст содержит многочисленные выдержки из трактатов некоторых античных философов. А потому памятник Иоанна Экзарха Болгарского ученые по праву считают системным обобщением не только святоотеческой традиции толкования событий первых шести дней акта божественного творения, но и античного опыта изучения основных процессов в природе². Кроме того, историки отмечают, что Шестоднев Иоанна, включающий Пролог и шесть Слов, — самый популярный среди аналогичных сочинений в литературе Древней Руси, о чем свидетельствует значительное количество списков и упоминания средневековых писателей о полезных книгах для ознакомления³.

Другим показательным примером подобного религиозно-философского измышления о мире и его устройении является **Христианская Топография**, сочиненная Козьмой Индикопловом, некогда торговцем-путешественником, побывавшем, в том числе, и в Индии (отсюда его прозвище), а затем мыслителем, принявшим христианство и поселившимся в одном из синайских монастырей. Как приверженец антиохийского богословия, следующего плоскостно-комарной концепции строения мира, Козьма написал теологический и одновременно остро полемический трактат против непримиримых оппонен-

Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского – общеславянский памятник богословско-философской мысли // Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. V слово. – М., 1996. – С. 20–30.

¹ О времени распространения указанных сочинений в литературе Древней Руси до сих пор ведутся научные дискуссии. Об этом и о литературных особенностях каждого текста см.: Прохоров Г. М. Шестодневы // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1987. – Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). – С. 478–483.

² Очевидно, по этой причине В. Мильков называет сочинение Иоанна “славянской антологией античной философии”. См.: Мильков В. В. Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского – общеславянский памятник богословско-философской мысли // Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. V слово. – М., 1996. – С. 15.

³ Мильков В. В. III Слово “Шестоднева” Иоанна Экзарха Болгарского // Громов М. Н., Мильков В. В. Идейные течения древнерусской мысли. – СПб., 2001. – С. 422.

тов — идеологов сферичности Земли¹. Исследователи полагают, что эта работа была осуществлена приблизительно в 545–547 гг.

Несмотря на откровенно негативные отзывы авторитетных богословов (например, греческого патриарха Фотия², раскритиковавшего сочинение Козьмы), Христианская Топография, как и Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, имела своих читателей в Древней Руси. Об этом свидетельствует количество сохранившихся списков полного текста и его отрывков — более пятидесяти. В то же время, невыясненным остается вопрос о том, когда впервые появился славянский перевод произведения. Рассмотрев ряд интерполяций в Начальной Русской летописи и Толковой Палее, Е. Пиотровская допускает, что “время перевода полного текста или отрывков сочинения может быть обозначено концом XI — началом XIII ст.”³. Если это предположение верно, то вырисовывается удивительная картина: в первые века после принятия христианства древнерусские мыслители в одинаковой степени интересовались прямо противоположными теориями устройства мира, выведенными, с одной стороны, в каноничных космологиях Шестодневок, с другой, — в альтернативно геофизической Топографии⁴.

По справедливому утверждению З. Удальцовой, сочинение Козьмы очень своеобразно, его не просто классифицировать по жанровым или каким-либо формально-содержательным признакам⁵. Двенадцать Слов, из которых состоит памятник, одновременно посвящены опровержению сферического устройства Земли, характеристике некоторых процессов в природе, описанию отдаленных экзотических

¹ О богословских идеях, изложенных в Топографии, см.: Григорьев А. В. Космологические и онтологические идеи в “Христианской Топографии” Козьмы Индикоплова как отражение взглядов антиохийской богословской школы // Громов М. Н., Мильков В. В. Идеиные течения древнерусской мысли. — СПб., 2001. — С. 904–905.

² Жил в IX ст. в Константинополе и прославился тем, что собрал огромную библиотеку произведений античных и византийских писателей и мыслителей.

³ Пиотровская Е. К. “Христианская Топография Козьмы Индикоплова” в древнерусской письменной традиции (на материале дошедших фрагментов). — СПб., 2004. — С. 43.

⁴ Примечательно, что ещё столетие назад этот парадокс озадачил крупнейшего на то время специалиста по изучению данного памятника — Е. К. Редина, который, тем не менее, так и не сумел однозначно разрешить собственное недоумение. См.: Редин Е. К. Христианская Топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. — М., 1916. — Ч. 1. — С. IX.

⁵ Удальцова З. В. Козьма Индикоплов и его “Христианская Топография” // Культура Византии. IV — первая половина VII в. — М., 1984. — С. 467.

стран (Индии, Эфиопии и др.), а также комментированию событий Священной Истории, описанных в библейских книгах.

Идейно и даже идеологически столь различные, Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского и Христианскую Топографию Козьмы Индикоплова объединяют, во-первых, назидательная основа экзегетического изложения, во-вторых, стремление построить некую богословско-философскую картину мироздания. При этом для того, чтобы упорядочить космологические идеи в целостную систему, оба автора применяют интересные как для религиозных произведений способы рассуждения, подчеркивающие их околонучную исследовательскую направленность.

Рассмотрение способов решения эстетических, онтологических и антропологических задач в вышеуказанных сочинениях и составляет цель настоящей статьи.

В Шестодневе заглавная идея, которую Иоанн Экзарх Болгарский развивает в продолжение всего произведения и которая объясняет непостижимую упорядоченность благоустроенной Вселенной, выражена так: “**Все во еже восхотѣ Господь, и сотвори <...> Восхотѣ во сотворити не елико може, но елико же вѣдѣше, яко довлѣеть**”¹. Заявленная идея всякий раз укрепляется умовыводами, полученными традиционным исследовательским способом — с помощью индукции.

Например, в том же Прологе автор заявляет, что собирается созерцать божественные творения не столько ради любования ими, сколько ради восхваления самого Творца. И в результате — восходить от “видимого” к “Невидимому”. Поэтому, скажем, в III Слове экзегет детально описывает свойства пшеничного стебля и виноградной лозы, а после этого восклицает: “**В тон вѣрщешн недовѣдимѣ премѣдрость творьчу, и велми сѣлѣв почюднншисл, и пославншн недовѣдимое величнѣ, Божїа разѣма и силы**”². В данном случае явления природы воспринимаются как образы, раскрывающие величие самого Первоисточника. А возможность рассматривать Непостижимое через постигаемое обеспечивает индуктивный метод познания. Как известно, такая индуктивная, если можно так выразиться, символизация — из-

¹ Из “Шестоднева” Иоанна Экзарха Болгарского. Пролог / Подг. текста, перев. и комм. Г. М. Прохорова // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб., 1999. – Т. 2. XI–XII века. – С. 126.

² III Слово “Шестоднева” Иоанна Экзарха Болгарского / Подг. текста и перев. Г. С. Баранковой // Громов М.Н., Мильков В. В. Идейные течения древнерусской мысли. – СПб., 2001. – С. 439.

любленный метод рассуждения средневековых христианских мыслителей¹.

Ещё одним весьма распространенным в Шестодневе способом рассуждения выступает классификация подобных и различных по структуре объектов. В V Слове, например, в котором автор описывает функциональное предназначение растений и животных в природе, выведены два класса созданных явлений — те, которые Бог благословил, и те, которых Бог не благословил. Различие между классами Иоанн видит в потенции размножаться. То, что должно навсегда остаться единственным в своем роде, Творец не благословляет. Это — звезды, солнце, луна и т.п.: “Звѣзды, елико же нхъ бѣ исперва створено, толико же нхъ пребываше, и Яко же соуть сътворены, такы же пребываютъ. Ти ничисмене нхъ можеть прибывати ни величства. Да имь же то оубо вѣдаше естество бѣ прибывати множащи сѧ, ти тѣмь не бѣаше тревѣ благословенїа”. А вот то, что должно постоянно увеличиваться в количестве, Творец благословляет. Это — растительный, животный мир и непосредственно сам человек: “Амо же бѣаше тревѣ множенїе, поражающимъ примати птицамъ же, и плѣжюцимъ и чѣловекоу тревѣ бѣаше благословенїе. Тоу бо есть тревѣ благословенїе, идѣ же что желаетъ множенїа”².

Прибегая к классификации автор выстраивает определенную иерархию между явлениями природы. Согласно ей, видимый мир состоит из объектов низшего и высшего порядка — в нем есть уникальные и неповторимые явления, а есть такие, которые предназначены для репродуцирования себе подобных.

Кроме таких теоретико-систематизирующих, в экзегезах Шестоднева часто используются и полемические способы рассуждения. К одному из них Иоанн прибегает в несколько отстраненной дискуссии с иудеями о непорочности Девы Марии.

Христианский богослов ведет полемику, придерживаясь принципа, так сказать, обратного опровержения. Для этого он вводит неоднородную аналогию — сравнивает Деву Марию с водной стихией. И говорит оппонентам: если вы верите в то, что бездушное море по-

¹ Примеры “индуктивной” символизации можно встретить в раннехристианской гомилетике (например, в поучениях св. Василия Великого и св. Иоанна Златоуста), экзегетике (скажем, в Толковании на Песнь Песней св. Григория Нисского), классической византийской гимнографии (наиболее ярко – в Покаянном Великом каноне св. Андрея Критского и Богородичных канонах св. Иоанна Дамаскина) и других жанрах.

² Слово пятого дня // Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. V слово. – М., 1996. – С. 77.

родило огромное множество живых организмов, то вы не можете не верить и в то, что одна живая душа способна породить другую живую душу. Ведь бездушной воде сложнее организовать жизнь, чем одухотворенной Деве: “Вельми бо паче немощнѣи есть бездушнѣи и не чюющѣи водѣ толнко множество душна и чююща живота породити, неже Дѣвѣ душнѣ дѣтнцѣ душнѣ родити и такъ же естъствомъ, акы же естъ и родившиа”. Значит, отрицая возможность Девы родить, вы тем самым отрицаете и возможность морской стихии порождать все, что в ней находится: “Аще да сѣмоу не имешн вѣры, любопривый жидовине жестосердый, то иного не прѣемли ни хѣдѣ”¹. Такова логика Иоанна.

Модель обратного опровержения приобретает здесь такую форму: если признается сложное (потенция воды создавать живые организмы), значит должно признаваться и более простое (способность человека, наделенного особыми качествами, порождать другого человека). А если более простое отрицается, значит нужно отрицать и более сложное. Иными словами, если иудеи не верят в происхождение Богомладенца от Девы, значит, они не должны верить и в созидательность морской пучины.

Следовательно, применяемые комментатором-экзегетом способы рассуждения позволяют увидеть в Шестодневе наряду с догматическим и по части полемическим обоснованием религиозно-философской доктрины космогенеза, ещё и собственно исследовательское фокусирование, призванное, очевидно, упорядочить материал в виде вполне конкретной теории.

Подобной по своему содержанию и околонаучной направленности является и Христианская Топография Космы Индикоплова. В этом произведении среди многочисленных философских идей основополагающей, по мнению специалистов, выступает плоско-отно-комарная концепция землеустройства. Согласно ей, выгнутый небесный свод прикреплен своими концами к прямоугольной земле: “Земли же тажцѣ, и низноноснѣ, край же с краемы связанѣ, швоуу во вышеносономоу, съ же ниженосне, друугъ съ друугомъ край совокоуплена съдръжитсѣ, и неподвижна пребываета”². Это — ключевое положение космологии антиохийских богословов, которые, как известно, бук-

¹ Слово пятого дня // Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. V слово. – М., 1996. – С. 45-46.

² Космологические фрагменты из “Космографии Козмы Индикоплова” // Громов М. Н., Мильков В. В. Идеиные течения древнерусской мысли. – СПб., 2001. – С. 914.

вально (а не символически, как Иоанн Экзарх Болгарский, последователь каппадокийцев) понимали Св. Писание и утверждали, что невидимые и неподвижно соединенные края земли и неба образуют огромный четырехугольный шатер¹.

При этом весьма показательны способы рассуждения Косьмы, апологета антифилософского подхода, употребленные в объяснении закономерностей бытия. Выдвигая те или иные утверждения концепции комароподобного неба, землеописатель часто прибегает к методу, который мы назовем естественным выстраиванием материала.

Например, развивая мысль о плоской земле, полемист выводит “природные”, как ему представляется, следствия из этого исходного положения, не подлежащего сомнению. Из его утверждения, что земля плоская, вытекает, что все люди ходят прямо. А если предположить, что земля круглая, тогда это означало бы, что часть людей должна была бы ходить вниз головой: “*Ногн во чловѣкѹ инѣмь ногамъ чловѣка къ исподѹ противно прикасаемы веа же поставльше, или на земли или в водѣ, или на воздоуѣ, или въ огнѣ, или в коемъ мѣстѣ хотяще*”. Более того, размышляет автор, на людей, находящихся в таком “противоестественном” положении, дождь прольется снизу: “*Аще ли стремглавъ хоженіе, стремглавъ нтї и дождѹ на нею ноужда есть разумѣвати*”. А это полный абсурд, настаивает Индикоплов, противоречащий “истинному” порядку вещей: “*Како не ниже ли оубо просто по есъству стоитъ, другый же чрес есъство стоитъ, долоу главою шербѣтаася, безсловесна же и чюжа нашего есъства и оустава соутъ таковаа*”². Правильное, или “естественное”, выстраивание материала состоит в выведении причинно-следственных закономерностей из изначально верного, как полагают автор, положения.

Другой весьма интересный способ рассуждения в Топографии также основывается на логической операции — в этот раз увеличения/уменьшения условий описываемого процесса.

Так, комментируя библейский эпизод, в котором речь идет о задержании солнца и возвращении его назад, Косьма утверждает, что тем самым Бог явил языческому миру свою власть над небесными светилами: “*Понеж многы страны рекше же вся въинству невесному*

¹ Подробнее см.: Григорьев А. В. Космологические и онтологические идеи в “Христианской Топографии” Косьмы Индикоплова как отражение взглядов антиохийской богословской школы // Громов М. Н., Мильков В. В. Идеинные течения древнерусской мысли. – СПб., 2001. – С. 906-907.

² Там же, с. 911.

паче слѹжаще вѣху. Солнце чтѹт, яко всѣх Бога, и отца свѣтом сѹща”. Язычники же должны признать, что Тот, Кто управляет солнцем, властвует и над всем остальным, включая человека: “Семѹ же вѣспятитися повель Богѹ яви всѣм странам самому же быти всѣх владыцѣ, рабѹ же семѹ быти, а не Богѹ, ибо толь великѹ стихию вѣспятитися чресть обычан повелѣ, како паче хѹждѣшим, яко своим рабом сѹщемѹ повелѣти может”¹. Логическая операция по изменению (в данном случае — по уменьшению) условий описываемого действия устанавливает следующую формулу опровержения: если принимается большее (способность управлять “великой стихией”), то должно приниматься и меньшее (способность повелевать “меньшими рабами”).

Аналогичный способ рассуждения, как было показано выше, используется и автором Шестоднева (вспомним размышления о непорочности Девы Марии). Как видим, изменение условий описываемого действия, в особых случаях приобретающее форму обратного опровержения, является общепринятым методом познания, уравнивающим таких разных по убеждениям богословов.

Значит, наукообразность Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского и Христианской Топографии Козьмы Индикоплова состоит в обосновании религиозной теории космогенеза с помощью доступных в результате предшествующего опыта и приемлемых для средневекового теоцентричного сознания методов познания. Стремясь, прежде всего, к концептуальному изложению определенной богословской доктрины космогенеза, авторы-систематизаторы вместе с тем проводят и некоторую исследовательскую работу — выявляют закономерности функционирования явлений природы, изучают основные свойства тех или иных животных и растений, описывают географическое местоположение отдельных стран и т.д.

Однако, безусловно, стоит признать, что такая видимая “научно-исследовательская” направленность указанных сочинений — далеко не основное их предназначение, а, скорее, дополнительное и потому вспомогательное. Ведь “научность” выступает неким методологическим, структурным или даже форматным показателем данных текстов. По характеру же (непримиримо полемическому) и по содержанию (изъяснительно экзегетическому) они научными не являются.

¹ Фрагмент текста “Христианской Топографии Козьмы Индикоплова” из рукописи архива Санкт-Петербургского Института истории РАН // Пиотровская Е. К. “Христианская Топография Козьмы Индикоплова” в древнерусской письменной традиции. — СПб., 2004. — С. 204.